

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Дополнения к статье Н. И. Веселовского „Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение“¹.

В дополнение к изложенным в статье Н. И. Веселовского фактам считаю нелишним привести некоторые из имеющихся у меня в рукописном виде наблюдений над бытом и обрядами припамирских таджиков, а также некоторые из других материалов, хотя уже появившихся в печати, но, по видимому, не имевшихся в виду Н. И. Как впервые публикуемые факты, так и уже известные, в совокупности могут только подтвердить основную мысль автора, хотя, быть может, некоторые из них могут допустить в отдельности и другое объяснение, иногда, однако, не исключающее первого.

Прежде, чем перейти к изложению отдельных наблюдений, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Как я уже имел случай указать², стрелы ныне вовсе не употребляются припамирскими горцами³. Довольно широко распространен лишь лук с двойною тетивой, из которого стреляют мелкими камнями. Но представление о стрельбе из лука стрелами и соответствующие названия, конечно, имеются. Стрела (равно как и пуля) называется рѳθ, рѳθ. рѳθ, тѳг, лук — сѳлкатѳнѳк, кѳтанѳк (в зависимости от диалекта). То же название, но в уменьшительной форме (сѳнѳѳ, ѳѳнѳѳ, ѳѳнѳѳ, ѳѳнѳѳ — лучок), носит прибор, употребляемый при перебирании шерсти и имеющий форму простого удлиненного лука с ординарной тетивой. Этот лучок имеется во всяком доме.

Обряд поднятия покрывала повобрачной у припамирских горцев почти

---

¹ См. ЗВО, XXV, 273 и сл.

² Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга (Сборник Музея Антропологии и Этнографии, т. V, стр. 146).

³ Ср., однако, противоположное замечание А. А. Семенова, Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 89

совершенно тождествен с описанными Н. И. старорусскими и малорусскими обрядами.

Вот, что имеется у меня в шугнанских записях: «По прибытии в дом молодого, когда все усядутся по местам, кому-нибудь из молодых людей, имеющих в живых отца и мать, велит открыть лицо новобрачной. Этот молодой человек называется ее «отцом» (péd). Ему дают в руку лук, употребляемый женщинами для разрыхления шерсти (сѣпѣ́) и свежее обструганную, заостренную палочку, которая называется стрелой (tîr).

«Молодой человек слегка натягивает тетиву лука, как бы готовясь выстрелить, и выдающимся, острым концом стрелы трижды приподнимает покрывала, закрывающие лицо новобрачной, приговаривая: se padár, se pōdár (три отца — родной отец, свекор и он, поднимающий покрывала, три матери — жены названных). По третьему разу он отбрасывает покрывала назад; стрелу затем беруг и втыкают руками в узкое пространство между двумя балками над очагом. По объяснению туземцев — участников обряда, втыканье стрелы означает, что молодая так же, как стрела, крепко привязана к дому мужа».

Для других районов, где мною наблюдались свадебные обряды, имеются точно такие же записи; лишь в некоторых подробностях (покрывало поднимается не тотчас по прибытии в дом мужа, а на третий день, покрывало откидывается тотчас, но не снимается окончательно еще два дня и т. п.) допускаются различия. По долине Барганга, в Рушане и в Орошорском районе, описываемый обряд соблюдается с более существенными изменениями, которые, однако, способствуют еще более ясному представлению о главном смысле обряда. Эти отличия заключаются в двух особенностях. При всякой попытке «отца» поднять острием стрелы покрывала невесты, как он, так и все остальные из всех сил кричат: hon-hon-hon, повторяя этот крик трижды с такой силой, что его слышно за несколько домов. Второе отличие состоит в том, что, подняв покрывала новобрачной, «отец» не втыкает стрелу над очагом, как в Шугнани, а выпускает ее из лука, как настоящую, стремясь попасть в дымовое отверстие посредине потолка (gūzm). Два раза эта попытка ему не удается, и лишь на третий стрела вылетает в gūzm. При каждой попытке опять происходит такой же троекратный крик: hon-hon-hon.

Эта разновидность обряда поднятия покрывала новобрачной заставляет думать, что объяснение шугнанцев, видящих в обряде символ прикрепления молодой к дому мужа, чрезвычайно искусственно и что более прав Н. И. Веселовский, усматривающий значение аналогичных обрядов исключительно в отогнании злых духов.

Кажется, исключительно этот смысл может иметь следующий обычай, соблюдаемый во время праздника «солнце в колене» (xūg ar xām) в Оршорской области.

Когда приготовляемая в день этого праздника каша из пшеничных зерен (bōj) закипит, хозяин дома спускается с пар на углубление возле очага, берет лучок, употребляемый при перебирании шерсти (šāpōš), и какую-нибудь лучину на подобие стрелы и стреляет из него в gūzm, причем дважды стрела, не попадая, падает обратно, и лишь на третий вылетает в gūzm, т. е., проделывается то же самое, что и при поднятии покрывала невесты.

Возвращаясь к свадебным обычаям принампрцев, необходимо упомянуть, что М. С. Андреев и А. А. Половцев, описывая поднимание покрывала у новобрачной в Вахане и Ишкашине, говорят¹: «нареченный отец, падār-xān (тот, который предлагает ей воду во время бракосочетания) открывает ей лицо той скалкой, которая была в руках муллы во время обряда брака», ничего не упоминая о лучке. Также отсутствует подобное упоминание у гр. А. А. Бобринского², который ограничивается только словами: «Один из молодых людей по просьбе мужа подходит к новобрачной и палкою приподнимает платок, закрывающий ей лицо». Однако, насколько можно судить из контекста, гр. А. А. Бобринский не наблюдал свадебных обычаев, а изложил их по рассказам туземцев. К тому же в примечании он сближает описанный обряд с аналогичным обрядом на Руси в старину, причем ссылается на то самое место в описании свадьбы царя Михаила Федоровича, которым начинается статья Н. И. Веселовского.

У киргизов также сохранилось представление о значении стрелы при обряде бракосочетания. По крайней мере, Е. А. Александровым сообщается³: «В Казалинском уезде обряд бракосочетания происходит таким образом. При чтении молитв наливается в чашу вода; выходящая замуж девица бросает в нее серыч или серебряное кольцо и закрывает сосуд белым платком; а жених привязывает белым же платком к краю чашки палочку, изображающую стрелу».

Что касается до обычаев, связанных с рождением ребенка, в особенности мальчика, то в моих записях стрела прямо не упоминается, зато значительно отчетливее выступает на первый план ясно сознаваемый мотив охраны поворожденного от злых духов.

---

¹ Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. (Сб. М. А. и Э., в. IX, стр. 14).

² Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и ишкашимцы), стр. 94.

³ Н. И. Гродеков, Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, стр. 69.

Вот что записано у меня по этому поводу в Оршоре: «Чтобы избавить ребенка от покушений дивов и джинов, в случае рождения сына, отец немедленно стреляет в воздух для их устрашения». В настоящее время стрельба, разумеется, производится из ружья, так как лук и стрелы, как уже было сказано, вышли из употребления; но до появления огнестрельного оружия, очевидно, практиковалась стрельба из лука.

Для долины Бартанга и Рушана у меня записано: «Если родится сын, то отца поздравляют так: *tuboráki tîrandöz* (благословение стрелку), если дочь, то — *tuboráki alwóbáz* (благословение стряпухе). Перед ночью на плоский камень насыпают немного пороха и зажигают под *gûzm*-ом и перед дверью, чтобы не проникли дивы и парэ. Первые три ночи кладут рядом с родильницей в Вамаре — уздечку, нож и книгу, в Сипондже — охотничий пояс и книгу, также ради нечистых, которые боятся железа». На охотничьем поясе и на уздечке очень много железных частей и принадлежностей. Помимо того, значение уздечки, как охранительницы от злых духов, можно объяснить также в связи с шугнанским обычаем вешать на перекладину при входе в дом уздечку тотчас после рождения в доме ребенка. Уздечка остается висеть в течение 7 дней, и в этом случае это делается для охраны не поворожденного, а родильницы, и притом специально от козней альмаста, так как, по верованию шугнанцев, альмаст, особенно опасная для родильниц, может сделаться невидимой для людей, но всегда остается видимой собаками и лошадьми. Она-де знает это, и потому не смеет войти в дом, при входе в который повешена уздечка.

Гр. А. А. Бобринский, говоря о мерах охраны родильницы против злых духов, упоминает также о луке¹: «Женщине перед родами кладут под подушку охотничий пояс с книжалом, а также kitab (книга, коран), иногда к этому прибавляют еще лук (Зерафшан); делается это для защиты родильницы от злых духов: джинов и дэв, которые в это время особенно для нее опасны... Альмасти в особенности опасен родильнице».

Рождение сына описывается им так²: «Отец оповещает свой кишлак о счастливом событии стрельбою из ружья; односельчане в ответ собираются у его дома и тоже палят из ружей. Дни через два появляются знакомые, родные с поздравлениями и с подарками: кто привел корову, кто барана, кто принес масла, ружье, саб.но. Подаренное оружие кладется рядом с колыбелью поворожденного».

Наконец, еще большее значение имеет лук в описании М. С. Андреева

---

¹ Op. cit., стр. 104 сл.

² Ibid., стр. 94 сл.

и А. А. Половцева¹: «Когда по селению разнеслось известие о рождении мальчика, к его родителям в дом собираются знакомые: мужчины и жепщины. Первые читают молитву о благополучии поворожденного и приносят каждый по небольшому луку (хас-тйрык) с красной тетивой и сильно загнутыми (почти кольцом) концами. Вместо стрелы к луку прикреплено маленькое деревянное изображение сабельного клинка. Эти лучки привешивают к веревке, протянутой над роженицей от стены до стены, и оставляют таким образом семь дней. Потом их собирают и вешают еще на семь дней на кольшки, вбитые в стену; затем их выносят из дому и привязывают к какому-нибудь дереву, где их уже оставляют навсегда. Такие лучки приносят только мужчины.

«Существует также обычай, как в Инкашине, так и в смежных с ним странах, что друзья и родственники приходят к дому, где родился сын, и стреляют из ружей».

Наконец, у киргизов также существует представление о значении оружия и колющих предметов, в качестве меры против злых духов.

Если джолдас (послед) долго не выходит, то это приписывается козням злых духов, и против этого принимаются следующие меры: набрасывают на голое тело большой так называемую колючку (кустарник, растущий в степи и называемый по-киргизски чингиль), дабы уколоть нечистых духов, или же колючкой окуривают больную, полагая, что нечистые духи боятся этого запаха, для них вредного; втыкают в землю саблю острием вверх в изголовье больной, предполагая, что злые духи, увидев обнаженную саблю, испугаются и оставят больную².

Что касается до приведенного Н. И. случая бурятской свадьбы, когда, в отсутствие жепиха, невеста держит стрелу, то некоторую аналогию можно найти в случае замещения, во время бракосочетания, отсутствующего жепиха его мечом (саблею) у приамурских горцев. Впрочем, этот обычай ныне совершенно вышел из употребления. О нем встречается лишь упоминаше (и то не вполне ясное) в сказках, и повидному здесь дело идет только о замещении (представительстве), хотя, конечно, можно допустить предположение, что и в этом случае имеется некоторый элемент защиты острым оружием невесты от злых духов.

Но и помимо этого последнего случая, приведенные выше примеры, взятые из жизни непосредственно наблюдавшихся мною средне-азиатских народностей, далеко не исчерпывал, конечно, всего соответствующего мате-

---

¹ Op. cit., стр. 11.

² И. И. Брагимова, Этнографические очерки киргизского народа (Русский Туркостан. сборник, изданный по поводу политехнической выставки, в. 2, стр. 122).

риала, могут служить некоторым дополнением и подтверждением мысли Н. И. Веселовского о значении стрелы и вообще колющих и острых предметов, как охранительного средства, против злых духов, хотя бы, в некоторых случаях, сами участники обрядов и не сознавали их первоначального смысла или давали им иное объяснение.

Ив. Зарубин.